

В письме говорилось, что глину Освещения Мира Бошань отыскиали в Юньчжоу. Путь предстоял неблизкий — за десятки тысяч ли, так что доставка требовала времени. Придётся набраться терпения и ещё немного подождать.

Сэ Чанмин перечитал послание дважды. Он сидел, полуприкрыв глаза, и лицо его оставалось совершенно бесстрастным.

Помешкав, он поднёс бумагу к свече. Бумага вспыхнула мгновенно. Чанмин слишком долго не выпускал её из рук, и огонь лизнул его пальцы, однако встретил лишь преграду, холодную, словно кусок нефрита. Как бы ни бушевало пламя, кожа оставалась невредимой.

Сэ Чанмин будто и не заметил этого. Спустя мгновение он будничным движением погасил фитиль.

Комната погрузилась во мрак, едва разгоняемый тусклым багрянцем угасающего за горами заката. С карниза с мягким шорохом сорвался пласт подтаявшего снега.

В тишине послышался тяжёлый, уверенный взмах крыльев.

Судя по звуку, птица была крупной, сильной — во много раз больше нескладного Сяо Тумао.

Чанмин не поднял головы. Он лишь заметил, как по подоконнику скользнул силуэт крылатого гостя, бесшумно растаявший в сумерках.

Прошло ещё несколько дней, и наступило время очередного занятия у господина Сюй.

По дороге в учебный класс ученики плелись с такими лицами, словно шли на собственную казнь.

Сэ Чанмин невольно подумал, что господину Сюй куда больше подошла бы роль дознавателя в темнице для вражеских шпионов. Тратить такие таланты на чтение лекций юнцам было непозволительным расточительством.

Когда занятие окончилось, Сэ Чанмин подошёл к преподавателю и изложил свою просьбу.

Сюй Цяньлинь выслушал его с явным недоумением.

— И что же тебе понадобилось от этой маленькой птицы Чанмин? — искренне удивился он. — К чему такие хлопоты?

Сэ Чанмин промолчал.

Господин Сюй, похоже, и не ждал ответа. На удивление, он не стал язвить или придумывать новые преграды, а заговорил вполне дружелюбно:

— Правила нашей академии строги: ко всем ученикам нужно относиться одинаково, поблажки исключены. Шэн Лююй не сдаёт работы в срок, и по уставу я вообще не должен допускать его к годовым испытаниям. Но, с другой стороны, у этой птицы врождённая слабость. Его недуг — уважительная причина, ведь ленится он не со зла.

Звучало на редкость разумно и великодушно.

Однако в следующее мгновение Сюй Цяньлинь прищурился, и его тон изменился:

— Но как бы там ни было, допустить его или выставить за дверь — решать только мне. Всё зависит от моего настроения.

Сэ Чанмин промолчал. Он и не сомневался, что от этого человека так просто ничего не добиться.

И действительно, Сюй Цяньлинь заговорщически улыбнулся:

— Но мы сможем договориться, если ты окажешь мне одну услугу.

— Какую? — сухо поинтересовался Чанмин.

Любезность господина Сюй теперь не знала границ:

— Скажи-ка, друг мой, доводилось ли тебе слышать о Собрании Сломленной Ветви? Оно ведь уже не за горами.

Сэ Чанмин насторожился.

— Я прекрасно знаю, что твоя истинная сила велика и непостижима, — вкрадчиво продолжил Сюй Цяньлинь. — Для тебя завоевать первенство на этом состязании — раз плюнуть.

— Неужели тебя волнуют подобные пустяки? — спросил Чанмин.

— С чего бы мне волноваться! — упрямо буркнул тот. — Так, забавы ради...

Стоявшая неподалёку Цингу не выдержала и решила прояснить ситуацию.

Как выяснилось, за всем этим крылась старая обида, вспыхнувшая с новой силой.

Несколько лет назад господин Сюй наставлял выпускников. По всем расчётам, его подопечные, обладавшие превосходными навыками, должны были без труда взять первенство в Осеннем сезоне. Однако победу из-под самого их носа увёл наглый юнец, которому до выпуска оставался ещё целый год.

Учителем того выскочки был Чжоу Цинцзинь. Они с господином Сюй и прежде терпеть друг друга не могли, а уж после триумфа соперник и вовсе возгордился сверх меры. При каждой стычке он принимался помывать Сюй Цяньлинем, выставляя его никчёмным наставником.

Стерпеть подобное господин Сюй, при его-то самолюбии, разумеется, не мог.

Поэтому на грядущем Собрании Сломленной Ветви его ученик обязан был стереть в порошок ставленника Чжоу Цинцзиня и завоевать главный трофей Весеннего сезона.

— Погоди, — нахмурился Сэ Чанмин. — Ты ведь выпустил прошлых учеников и теперь набрал новичков. А твой недруг наверняка обучает старших. Как ваши подопечные могут сойтись в одном бою?

Сюй Цяньлинь замялся, на его лице промелькнуло смущение. На выручку снова пришла Цингу:

— После выпуска господин Сюй взял перерыв на два года, чтобы поправить здоровье, и лишь недавно вернулся к преподаванию. А Чжоу Цинцзинь сейчас как раз ведёт второй курс.

Среди учеников Чжоу Цинцзиня в этом году объявился настоящий самородок. Слухи твердили, что его мастерство растёт не по дням, а по часам: в свои шестнадцать лет он уже достиг пика стадии Золотого Ядра и стоял на пороге Зарождения Души.

— Ну и что с того? — тут же перебил её Сюй Цяньлинь, мгновенно вернув себе прежнюю спесь.
— Занемог я, отдыхал два года. Разве это преступление?

— И тебе не кажется, что выставять меня против них — не совсем честно? — попытался воззвать к его совести Чанмин.

— С чего бы? — господин Сюй картинно вскинул брови. — Разве тебе не те же шестнадцать лет? Ты ведь не якшаешься с демонами, не практикуешь запретное колдовство, идёшь истинным, праведным путём. Твоя сила — плод исключительного таланта. А то, что ты

притворяешься скромным учеником на стадии заложения основ — лишь маскировка ради твоего же покоя. Мы и так проявляем благородство, ведь ты не станешь давить на соперников истинной мощью.

Его софистика звучала на удивление убедительно, хотя Цингу при этих словах стыдливо отвела глаза.

Сэ Чанмину, впрочем, совершенно не улыбалось объединяться с этим пронырой в какое-то «мы».

— Решай сам, — отрезал господин Сюй. — Если исход Собрания Сломленной Ветви меня разочарует, то и оценки Шэн Лююя за годовые испытания вряд ли тебя порадуют.

— Договорились, — бесстрастно кивнул Чанмин.

В конце концов, те времена, когда он мог просто свернуть строптивому наглецу шею, остались в прошлом — теперь он не владыка демонов.

Дни потекли своим чередом: занятия, зубрёжка, работа в лавке и бесконечные уроки с Шэн Лююем.

Сложнее всего давалось именно наставничество. Со всем остальным Чанмин справлялся без труда — там он был предоставлен самому себе или имел дело с вещами неодушевлёнными.

Юный Шэн Лююй был совсем иным. Избалованный, капризный птенец никак не желал сидеть смиренно: он то и дело отвлекался, витал в облаках и думал о чём угодно, только не об учёбе.

Стоило окликнуть его, как он вздрагивал, возвращаясь к действительности с таким видом, словно его бесцеремонно разбудили. А если Чанмин повышал голос, юноша кривился в обиду, будто его незаслуженно оскорбили.

— Ты слишком суров со мной, — капризно тянул Шэн Лююй.

— Разве на тебя никогда прежде не прикрикивали? — не поддаваясь на провокацию, вопрошал Чанмин.

Собеседник поджимал губы:

— Никогда.

Рождённый под счастливой звездой, он вырос в неге. С малых лет его окружала толпа

услужливых слуг, ловивших каждое слово божественного птенца, так что о невзгодах и грубости он не имел ни малейшего представления. Даже в академии его стычки с господином Сюй походили скорее на обоюдную перебранку, нежели на строгое воспитание.

Неженке претила суровая дисциплина, но Чанмин быстро нашёл его слабое место. Он предупредил, что в случае провала на годовых испытаниях имя должника вывешат на всеобщее обозрение на доске позора. И тогда вся академия узнает, что блистательная Маленькая птица срезалась на простейших тестах.

Выбирая между ущемлённой гордостью и необходимостью терпеть муки учения, юноша предсказуемо выбрал гордость.

Но это не мешало ему отлынивать при каждом удобном случае и тихонько ворчать:

— Сам ты злой, правила скучные, а свитки нескончаемые... Когда уже это мучение кончится?

Жаловался он тихо, утыкаясь носом в рукав, отчего его воркование больше походило на капризную мольбу.

Чанмин оставался глух к его жалобам.

— Жизнь полна тягот, — безучастно отзывался он. — И у птиц, и у людей. Раньше ты этого не понимал, а теперь познаёшь на собственном опыте.

Шэн Лююй в изнеможении ронял голову на стол, отказываясь шевелиться, но Чанмин безжалостно брал его за шиворот, усаживал ровно и заставлял читать дальше.

Судьба сурова, доля птичья горька — такова неприглядная правда.

Юноша уже не раз пожалел о своей затее. Знай он наперёд, каково это, лучше бы уговорил главу академии сделать исключение. Сказал бы, что готов вернуться на Малую Тяжёлую Гору, совершить великое жертвоприношение Небесам и предсказать точный срок своего перехода на стадию Переживания Бедствия — лишь бы его избавили от этой проклятой годовой аттестации.

Он искоса зыркнул на стоявшего рядом Чанмина. Ну что за зануда! Ни тени почтения к божественной птице, одно лишь холодное упрямство.

О, как же горько он раскаивался!

Хлопоты продолжались ещё некоторое время, пока уловки Шэн Лююя не исчерпали себя. Он слишком долго притворялся недужным, и старейшины академии не на шутку обеспокоились, вознамерившись прислать к нему лучшего лекаря. Пришлось свернуть мнимый карантин и

вернуться за парту. К счастью, именно в эти дни в академию наконец доставили долгожданную глину Освещения Мира Бошань.

По такому случаю Чанмин освободил своего непутёвого ученика от уроков на целый день. Сам же снял уединённую бамбуковую обитель на отшибе и оградил её мощным барьером, защищающим от любопытных глаз.

Краска, полученная из редкой Глины Освещения Мира Бошань, изначально была молочно-белой. Лишь когда мастер вливал в неё собственную духовную энергию, она послушно принимала тот оттенок, что рисовался в его воображении.

Сэ Чанмин долго сидел перед чашей с белой краской.

Внутренний покой никак не давался ему.

Минуло два десятка лет, но он до сих пор во всех подробностях помнил изгиб каждого пёрышка Сэ Сяоци, игру цвета на его крыльях.

Накануне их последней встречи Чанмин знал, что идёт на смерть. Тогда он силился запечатлеть образ птицы, которую растил больше десяти лет, как можно глубже в своей памяти — так, чтобы даже после того, как его душа перейдёт рубеж горы Цишань, этот облик не стёрся, не угас.

Шагая в Бездну, он размышлял: если слова тех праведников — правда, если злополучный плод действительно является корнем всех зол, и если его отказ погубит половину живых существ в поднебесной, то принести себя в жертву — не худшая цена.

Приняв смерть, он даровал Сэ Сяоци жизнь.

Останься он на краю, и птице грозила бы гибель с вероятностью один к двум, и он никак не смог бы защитить её от слепого рока.

Что ж, выбор был сделан.

Чанмин вышел на порог. Окружавшие обитель горы вздымались и опадали зелёными волнами — приглядевшись, можно было различить бесчисленные вековые деревья, устилавшие склоны пушистым ковром.

Ему не нужно было многого. Лишь бы Сэ Сяоци вновь сидел на ветке неподалёку или доверчиво опускался ему на плечо.

Дыхание выровнялось, тревожные мысли отступили.

На следующий день после полудня Шэн Лююй послушно явился в бамбуковую хижину. На этот раз Чанмин пришёл без скучных фолиантов. Вместо них на столе лежал резной деревянный ларец, опечатанный грозным защитным заклинанием.

Печать таила в себе немалую силу — стоило юноше протянуть руку, как его мягко, но настойчиво оттолкнуло невидимой волной.

— Это ещё что такое? — недовольно надулся он.

— Портрет, — тихо ответил Чанмин. — Моей птицы.

Шэн Лююй удивлённо вскинул голову. Слегка нахмурившись, он тут же потребовал:

— Я хочу взглянуть.

Уж очень ему не терпелось узнать, как выглядел его пернатый соперник.

<http://bllate.org/book/18249/1750611>